

Источник: Знание - сила

Дата выпуска: 2008

Номер выпуска: 06

Заглавие: Человек с кровью странника в жилах

Автор: Дмитрий Капустин

*«Первым заграничным портом
на моем пути был Гонк-Конг...»
Из письма А.П. Чехова А.С. Суворину,
9 декабря 1890 года.*

Мало кому известно, что первое заграничное путешествие молодой беллетрист Антон Чехов совершил в Азию, и именно в Гонконг. Ему «стукнуло» тогда ровно 30 лет. Позади уже были «Степь», «Платонов», множество юморесок, рассказов, водевилей и даже престижная Пушкинская премия. Но пьесы «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад» и всемирное признание — еще впереди.

Попал Чехов в Гонконг, английскую колонию в Китае, совершенно случайно. Хорошо известно из пунктуальной чеховской переписки, что после задуманной поездки на Сахалин в 1890 году он собирался вернуться в Одессу «кружным путем» — вокруг Азии. Благо тогда это была не проблема, поскольку суда российского Добровольного флота ходили на Дальний Восток на регулярной основе (по положению — не менее 7 раз в год), а компания имела своих агентов в крупнейших азиатских портах. Обсуждался, правда, и вариант возвращения через Америку, но он быстро был отвергнут из-за дороговизны. А Транссиба тогда еще не существовало.

За месяц с небольшим до отъезда в письме от 16 марта Чехов писал собрату по перу И. Леонтьеву (Щеглову): «В апреле ведь я уезжаю, и увидимся мы едва ли ранее января! Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манила, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер, Церковная ул. Если на Сахалине не съедят медведи и каторжные, если не погибну от тифонов (тайфунов. — Д.К.) у Японии, а от жары в Адене, то возвращусь в декабре и почию на лаврах, ожидая старость и ровно ничего не делая. Не хотите ли поехать вместе? Будем на Амуре пожирать стерлядей, а в де Кастри глотать устриц, жирных, громадных, каких не знают в Европе, купим на Сахалине медвежьих шкур по 4 р. за штуку для шуб, в Японии схватим японский триппер, а в Индии напишем по экзотическому рассказу или водевилю...»

Как видим, главным объектом поездки был Сахалин, а маршрут вокруг Азии мыслился скорее как туристический. Чехову очень хотелось побывать в Японии, и он сохранил удивительную любовь к этой стране на всю жизнь, так никогда и не посетив ее. Он хотел познакомиться с великими азиатскими цивилизациями — китайской и индийской, побывать в тропических странах, вдохнуть жар Аравийской пустыни, проплыть по Красному морю и недавно прорытому Суэцкому каналу, побродить по Константинополю — наследнику древней столицы Византии. Маршрут был так заманчив!..

Но, как видим, в этих планах Гонконг даже не присутствовал.

На Восток!

«Человек с кровью странника в жилах» — так назвал Чехова один из его зарубежных биографов. И это очень верно. Он родился в вольном торговом городе Таганроге, с детства видел заморские корабли в порту и жил среди людей разных наций. «Чай, кофе и другие колониальные товары» — такая вывеска красовалась на отцовской лавке, где Антоша должен был торчать с утра до вечера.

«У нас не было детства», — говаривал позднее писатель, вспоминая ненавистную лавку и бесконечные ранние походы в церковь с деспотичным, но не бесталанным отцом.

Лучшим досугом для шести младших Чеховых оставались книги. И одной из любимых была гончаровская «Фрегат „Паллада“». Сохранившиеся письма 19-летнего Антона брату Михаилу и 40-летнего Антона Павловича к Г.И.Россолимо, «однокашнику» по факультету, известному врачу-психиатру, свидетельствуют, что «Фрегат...» на протяжении всей жизни оставался его любимым произведением.

Забегая вперед, отметим, что «муза странствий» преследовала Чехова всю жизнь. Он много ездил по России и впоследствии по Европе, мечтал о кругосветном плавании, о поездках в Африку, в Скандинавию, «в Ледовитый океан», в Чикаго на Всемирную выставку, в Среднюю Азию и Персию (даже был на пути туда в 1888 году, но повернул из Баку из-за смерти брата своего спутника). В последние годы Чехов вынашивал замысел пьесы о покорении «Дальнего Севера». И даже незадолго до смерти собирался в Маньчжурию в качестве врача на русско-японскую войну.

Его перу принадлежит проникновенный, даже патетический «короткий вопль» в память известного русского путешественника (и по совместительству генерал-полковника Генерального штаба) Н.М. Пржевальского (1839 — 1888 гг.), неожиданно умершего от тифа в начале своей пятой экспедиции в Центральную Азию и Тибет. Между прочим, это была передовая (без подписи) статья в газете «Новое время». Размышляя о подобных «людях подвига» (Стенли, Миклухо-Маклай, Ливингстон), Чехов утверждал, что для любого общества «подвижники нужны, как солнце», ибо они олицетворяют «высшую нравственную силу». «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно», — признавался он затем в одном из писем. Правда, неизвестно, читал ли Чехов последние из его статей, а также труд «От Кяхты на истоки Желтой реки» с «всеподданнейшим посвящением государю-наследнику», вышедший как раз в год кончины автора. В 13-й главе, которая всегда опускалась в советских переизданиях, Пржевальский демонстрировал махровый великорусский шовинизм, называл китайцев «полудиким народом», «одряхлевшим умственно и нравственно», не способным к возрождению, и призывал к выяснению отношений с Китаем силой оружия.

Близкие и родные говорили, что в свою поездку на Сахалин и вокруг Азии Чехов собрался как-то вдруг, неожиданно. Но, например, К.А.Каратыгина свидетельствует, что писатель говорил с ней об этом неоднократно в 1889 году. Один из друзей, поэт А.Н.Плещеев, вспоминал: «Чехова больше тянуло... на какие-нибудь русские окраины или на восток». По-видимому, некий внутренний разлад, смерть талантливого брата-художника, запутанность отношений с поклонницами, необходимость новых впечатлений, острый интерес к сахалинской каторге, отсутствие «кусочка общественной жизни», желание «отдать дань медицинской науке», а также муза странствий (по Чехову, «страсть к передвижению») — все это в совокупности звало и подталкивало писателя к путешествию на Восток в стиле Гончарова и Пржевальского.

Несмотря на игривость приведенного выше письма Леонтьеву и обещания (в других письмах) привезти из путешествия шелку для сестры, манильских сигар для Плещеева и «голую японку из слоновой кости» для Суворина (задушевного друга-покровителя, литератора, издателя популярного «Нового времени»), намерения Чехова относительно путешествия и прежде всего посещения Сахалина были самыми серьезными. Так, отвечая на едкие замечания А.С.Суворина («что за дикая фантазия», «Сахалин никому не нужен и не интересен»), Чехов довольно резко и определенно ответил в письме от 9 марта 1890 года: «Сахалин может быть не нужным и не интересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит миллионы <...>. Это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный <...>. В места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку <...>. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей».

О серьезности намерений говорит и тщательная подготовка, которую начал писатель в январе 1890 года (в основном «сидел безвыездно дома» и читал книги, признавался Чехов). К ней были подключены многие из друзей: Суворин слал из Петербурга атласы и редкие книги, сестра Маша и ее подруги делали нужные выписки в Румянцевской библиотеке, прислал выписки и старший брат Александр, актриса Клеопатра Каратыгина, одна из пассий писателя, делилась воспоминаниями (в «Письмах-романах») о своей жизни в Сибири, на Сахалине, а также в Кяхте, важном перевалочном пункте китайско-русской торговли в те времена.

В сохранившемся составленном собственноручно Чеховым списке книг, прочитанных им до отъезда 21 апреля 1890 года, значится 65 работ. Главным образом, это разнообразная литература, прямым или косвенным образом связанная с Сахалином («от зоологии до геологии»), — центральным объектом чеховского интереса. Но в ней есть также ряд книг о путешествиях, например, о знаменитом, первом в истории русского флота кругосветном плавании И. Крузенштерна и Ю. Лисянского на шлюпах «Нева» и «Надежда», о плаваниях в дальневосточных водах отважного француза Лаперуза, об эпохальном сахалинском открытии Г. Невельского и др. Несколько работ было посвящено соседним с Россией дальневосточным странам. Это, в частности, трехтомник «немца голландского подданства» Ф. Зибольда «Путешествие по Японии или описание Японской империи» в переводе Н.В.Строева, весьма информативное исследование К. Скальковского, присланное автором, «Русская торговля в Тихом океане. (Экономические исследования русской торговли в Приморской области, Восточной Сибири, Кореи, Китае, Японии и Калифорнии)».

Трудный, полный лишений путь от Москвы через Сибирь занял 81 (!) день. Потом были месяцы «3 плюс 2 дня» на каторжном острове. Эти этапы путешествия отображены в путевых очерках «По Сибири» (которые печатались в «Новом времени», но не были включены автором в первое, прижизненное, собрание собственных сочинений), в некоторых рассказах, а также в знаменитой книге «Остров Сахалин».

Труд о сахалинской каторге (весьма необычный для творчества писателя) был замечен даже и за границей. Но Чехов то гордился им, то почему-то сетовал, что «книжка ни на что не пригодилась, <...> никакого эффекта она не вызвала», и в конце концов заключал: «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей арестантский халат. Пусть висит!» Не смог Чехов представить книгу и в качестве диссертации, помыслы о которой не оставляли его все послеуниверситетские годы. Докторская степень давала не только почет и уважение, возможность читать лекции в университете, но и в перспективе — ощутимые социальные привилегии, ибо по «Табели о рангах» царской России звание профессора приравнивалось к генеральскому чину.

Политизированные потомки, однако, оценили «Остров Сахалин» гораздо выше, справедливо полагая, что этот труд А.П. Чехова — начало в русской литературе темы протеста против насилия и преступлений власти предрержащей, апофеозом которой стал «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына.

Но это было позднее. А пока, закончив многотрудные дела на каторжном острове и ожидая отъезда, Чехов писал матери 6 октября с Корсаковского поста: «Я соскучился, и Сахалин мне надоел. Вот уже три месяца, как я не вижу никого, кроме каторжных или тех, которые умеют говорить только о каторге, плетях и каторжных. Унылая жизнь. Хочется поскорее в Японию, а оттуда в Индию».

Гонконгский оазис

К огромному сожалению, Чехову не удалось познакомиться близко с зарубежным Востоком, с великими азиатскими цивилизациями. На Южном Сахалине его ждала пренеприятная новость. «Со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу (ныне г. Вэньтай в КНР. — Д.К.), Суэце и, кажется, даже на Луне — всюду холера, везде карантины и страх. Во Влади-

востоке мрут европейцы, умерла, между прочим, одна генеральша», — писал он в письме от 11 сентября.

Пленительный план путешествия вокруг Азии рухнул...

В начале октября стало известно, что пароход Добровольного флота «Петербург» все-таки отправится в обратный путь в Одессу под карантинным флагом с заходом в немногие порты, открытые к тому времени.

Вахтенный журнал «Петербурга» (который сравнительно недавно разыскали ученые-чеховеды) сообщает, что судно вышло из порта Корсаков на Южном Сахалине «в ночь с 13-го на 14-е октября, 16 — 18 октября находилось в бухте Золотой Рог во Владивостоке». Сразу по прибытии, выяснив ситуацию, Чехов в «4 ч. 45 м. пополудни» дал телеграмму брату Михаилу: «Буду Москве десятого декабря плыву Сингапур».

Заметим: Сингапур, а не Гонконг.

Во Владивостоке агент Доброфлота В.А. Терентьев выписал Чехову заграничный паспорт. Между прочим, Владимир Африканович Терентьев, дослужившийся на своем посту до контр-адмирала, был колоритной фигурой, своими делами и озорным юмором оставившей след в истории российского Приморья. 19 октября, как записано в вахтенном журнале, «в 19 ч.30 м. подняли якорь и дали ход». Через неделю хода по Японскому морю, Корейскому и Формозскому проливам пароход «Петербург» встал на рейде... Гонконга.

По-видимому, в последний момент произошло изменение маршрута. На другой день после выхода в судовом журнале уже значилось плавание «Японским морем из Владивостока в Гонконг». Скорее всего, это было вызвано необходимостью ремонта, который не могли выполнить во Владивостоке. А может быть, из-за проблемы шести американских китобоев, которые на вельботе потеряли судно-матку у берегов Сахалина, а затем с помощью русских искали возможность добраться до ближайшего порта, где есть американский консул.

Так неожиданно-негаданно Чехов очутился в колониальном анклавном Гонконге, который появился на китайской земле после Опиумных войн еще в 1842 году с захватом Великобританией «в вечное владение» самого острова, а затем (в 1860 году) и части континентального полуострова Коулун с окружающими островами (второй захват был в 1898 году оформлен как «аренда на 99 лет»). «Петербург» находился здесь трое с половиной суток, с 26 по 29 октября, большую часть времени на ремонте в доке. Стоянка оказалась самой продолжительной из всех четырех, разрешенных в пути «карантинному» судну.

Вот как описал свои впечатления Чехов в знаменитом письме А.С.Суворину от 9 декабря 1890 года: «Первым заграничным портом на моем пути был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил на дженерихче, то есть на людях (двухместная повозка с рикшей. — Д.К.), покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию (так в подлиннике. — Д.К.) инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?»

Подъем по железной дороге на гору и «замечательную панораму» Гонконга, открывающуюся оттуда, Чехов вспоминал позднее в письме сестре из Неаполя в 1891 году после посещения монастыря на Везувии.

Между прочим, тонкая, как бы в восточном стиле зарисовка Гонконга (через окно иллюминатора) присутствует в рассказе «Гусев» — первой публикации Чехова после путешествия. Вот она, если опустить диалог героев, находящихся в лазарете:

«Качки нет, и Павел Иваныч повеселел. Он уже не сердится <...>. Круглое окошечко открыто, и на Павла Иваныча дует мягкий ветерок. Слышны голоса, шлепанье весел о воду... Под самым окошечком кто-то завывает тоненьким, противным голоском: должно быть, китаец поет.

— Да, вот мы и на рейде, — говорит Павел Иванович, насмешливо улыбаясь. — Еще какой-нибудь месяц, и мы в России <...>.

Гусев не слушает и смотрит в окошечко. На прозрачной нежно-бирюзовой воде вся залитая ослепительным, горячим солнцем качается лодка. В ней стоят голые китайцы, протягивают вверх клетки с канарейками и кричат:

— Поет! Поет!

О лодку стукнулась другая лодка, пробежал паровой катер. А вот еще лодка: сидит в ней толстый китаец и ест палочками рис. Лениво колышется вода, лениво носятся над нею белые чайки.

«Вот этого жирного по шее бы смазать...» — думает Гусев, глядя на толстого китайца и зевая. Он дремлет, и кажется ему, что вся природа находится в дремоте».

Любопытно, что всего за год до Чехова Гонконг посетил Джозеф Редьярд Киплинг «обратным маршрутом» из Бомбея через Азию и Америку в Великобританию. Ему было всего 25 лет, он навсегда покидал Индию, впечатления о которой дали ему столько пищи для творчества, оцененного в конце концов Нобелевской премией (1907 г.). Подданный британской короны, «англоиндус», то есть англичан, родившийся в Индии, он чувствовал себя в Гонконге как дома. Поэтому его наблюдения о Гонконге глубже и насыщеннее, да и был он там дольше. Киплинг ходил по тем же улицам, что и Чехов, также взбирался на поезд-фуникулере на гору Виктория Пик, ездил на «рикше» (рикше), посещал тот же самый клуб для моряков. Иногда их впечатления совпадают почти текстуально. Вот как у Киплинга: «Еще дальше от берега стоят на якоре пароходы. Они не поддаются подсчету, и четыре из пяти принадлежат нам <...>. Гонконг раз в десять оживленнее Сингапура. Повсюду что-то строят, куда не посмотри, повсюду возвышаются колоннады и купола, дома оборудованы газовыми рожками».

Или еще цитата: «На главной улице почти все дома выходят на проезжую часть верандами, а европейские магазины словно хвастают огромными зеркальными витринами <...>. Гонконг удивляет необычной чистотой, одинаковыми трехэтажными домами и верандами, тротуарами, вымощенными камнями. Мне попала на глаза только одна лошадь. Она присматривала за телегой на приморской улице. Наверху единственными экипажами служили рикши».

С чеховскими впечатлениями о Гонконге, точнее, с этой безобидной на первый взгляд цитатой из письма Суворину, приведенной выше, связана целая детективная история.

Впервые на свет само письмо без каких-либо купюр появилось в 1913 году в шеститомнике писем писателя, изданном в 1912 — 1916 годах под редакцией сестры — М.П. Чеховой. Однако после Октябрьской революции оно исчезло из чеховедческой литературы. При первом (советском) переиздании писем в 1948 — 1952 годах (в рамках Полного собрания сочинений и писем в 20 томах) абзац о Гонконге был опущен полностью. И лишь в 1963 году в 12-томном издании сочинений и писем А.П. Чехова, предпринятом «Художественной литературой», этот абзац был восстановлен. Надо полагать, последнему способствовала наступившая в СССР «оттепель». Правда, в письме Суворину все-таки осталась одна купюра (относящаяся к Цейлону и не восстановленная даже в последнем Полном собрании сочинений и писем Чехова), и с ней могла ознакомиться только горстка избранных, допущенных в спецхран Ленинки...

Политически подкованные современники, конечно, понимают всю подоплеку: иконообразный классик, представитель «критического реализма» (по определению А.М. Горького), изрекавший с плакатов агитпропа, что «в человеке все должно быть прекрасно...», ни в коем случае «не должен», «не может» восхвалять английский империализм. Тем более использовать рабский труд рикши. К тому же в момент подготовки первого переиздания в СССР чеховских писем в стране шла «борьба с космополитизмом». И поэтому в духе времени было произведено обычное тогда «литературно-хирургическое вмешательство», которое никто и не заметил (или не хотел замечать), разве что какой-нибудь антисоветчик из «Голоса Америки».

Весьма любопытно, что еще ранее абзац о Гонконге также обходили, причем довольно неожиданно образом. Так, в 1934 году в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», в книге Ю. Соболева, этот фрагмент довольно полно излагался в раскавыченном виде (за исключением упоминания о рикше) с легким сарказмом по поводу чеховских умилений и восторгов относительно Гонконга, и делался такой вывод: «Нельзя не расслышать в этих наивных рассуждениях отголосок все еще продолжающегося воздействия суворинской идеологии. Именно такую «цивилизацию» и защищало «Новое время», отлично понимавшее философию британского воинствующего империализма, что было тогда совершенно недоступно для Чехова».

Взаимоотношения с А.С.Сувориным — отдельная сага в биографии А.П.Чехова. Как справедливо заметил английский славист Д. Рейфилд, если бы письма самого Суворина к Чехову удалось найти, то «чеховскую жизнь <...> можно будет переписывать заново». Известно, что на другой же день после смерти Антона Павловича Суворин послал нарочного к М.П.Чеховой, чтобы вернуть свои письма. К тому времени личные взаимоотношения Чехов — Суворин едва теплились, а с «Новым временем» произошел полный разрыв.

Юрий Соболев, знаток творчества писателя, очевидно, знал, что «вождь мирового пролетариата», как ни странно, не оставил прямых оценок творчества Чехова, но он пригвоздил Суворина к позорному столбу как «лакея царя». Причем сделал это решительно, по большевистски, в некрологе издателю — за то, что тот, некогда либеральный журналист, «повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими». Но Ю.Соболев прямо не упомянул В.И.Ленина в этом контексте (хотя и цитировал его по другому поводу), тонко объяснив «идейную незрелость» молодого писателя привходящим влиянием. Знал он, конечно, и то, что критиков, которые шли дальше и навешивали ярлык «мелкобуржуазности» на Чехова, поправлял сам Луначарский (кстати, в далеком прошлом посещавший Чехова в Крыму).

Однако логика Соболева не очень-то «вяжется» с тем образом писателя, который он сам создавал. Соболев подчеркивал независимый характер Чехова, его осторожное отношение к «Новому времени» с самого начала (хотя тот и нуждался в деньгах и поначалу был искренне очарован Сувориным), приводил убедительную суворинскую характеристику Чехова («кремень-человек»). Не «стыкуется» эта логика и с другими выводами Чехова из того же письма. Вот, например, поистине убийственная оценка писателем освоения Россией Приморья: «О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...»

Как это объяснить «отравлением суворинской идеологией»?

Может быть, ближе к истине был Леонид Леонов, писавший о Чехове: «Он бесконечно любил свою родину, хотя и не очень часто распространялся об этом <...>. Но, любя свою родину, он никогда не льстил ей».

И не только в этом писатель был искренен, оставаясь самим собой. Известно также, что Чехов был далек от политики, не примыкал ни к каким партиям и при всех своих симпатиях старался сохранить собственную точку зрения. Это было частью его кредо — «по капле выдавливать из себя раба».

Отсюда понятно, что после Сахалина, который Чехов охарактеризовал предельно кратко и емко — «ад», Гонконг показался ему неким «оазисом». Именно в этом контрасте — колониального Гонконга и «родного» Сахалина, который «весь вполне» принадлежал Российской империи с 1875 года (согласно Санкт-Петербургскому договору с Японией), — он находил аргументы для возражения попутчикам относительно «эксплоатации».

Следует отметить, что обнародование в последние лет 15 многих купюр из писем Чехова (а их, по подсчетам специалистов-чеховедов, насчитывается более 500) вовсе не испортило облик великого писателя. Наоборот, оно сделало его более честным и человеческим. Вместе с тем отсутствие до сих пор полных чеховских текстов в академическом издании и

собраниях сочинений рождает недоразумения и даже курьезы. Особенно это касается зарубежных исследователей творчества А.П.Чехова, не готовых понять советскую цензурную казуистику. Они часто не подозревают, что за скромным отточием в скобках, то есть пропуском в тексте, может быть скрыт пассаж посильнее мопассановского. Один из таких казусов касается и пребывания Чехова в Гонконге.

В 2004 году к 100-летию со дня кончины А.П. Чехова книжное обозрение лондонской газеты «Гардиан» (3 июля) оповестило мир о неизвестном факте биографии писателя — посещении борделя в Гонконге и утехах с одной из его обитательниц, японкой.

Но автору публикации было невдомек, что приводимый в подтверждение текст из чеховского «Письма другу» относится вовсе не к экзотическому Гонконгу, а к российскому Благовещенску, который Чехов посетил по пути на Сахалин. И что все это Чехов живописал (и даже проиллюстрировал рисунком) в письме от 27 июня 1890 года все тому же задушевному адресату — А.С.Суворину.

По выходе из Гонконга пароход «Петербург» попал в жестокий шторм в Южно-Китайском море. Случилось то, что предвидел Чехов, заочно хорошо изучивший регион, — тайфун.

И поразился, что он не подвержен морской болезни. Вот что вспоминал Михаил, младший брат Чехова, об этом эпизоде: «Конечно, Антон Павлович рассказывал о своих впечатлениях и в особенности мне по ночам, так как за теснотой квартиры мы спали вместе в одной комнате <...>. Когда он возвращался обратно через Индию на пароходе «Петербург» и в Китайском море его захватил тайфун, причем пароход шел вовсе без груза и его кренило на 45 градусов, к брату Антону подошел командир «Петербурга» капитан Гутан и посоветовал ему все время держать в кармане револьвер, чтобы успеть покончить с собой, когда пароход пойдет ко дну».

Когда шторм успокоился, за борт по морской традиции сбросили завернутого в белое полотно очередного покойника — второй раз за поездку. Эти эпизоды произвели сильное впечатление на писателя, и, как знать, не они ли стали толчком к созданию рассказа «Гусев», который Чехов «зачал» чуть позднее на Цейлоне, там, где «был рай».

2 декабря 1890 года пароход «Петербург» вернулся в Одессу. Путешествие вокруг Азии завершилось. Через три дня «обсервации», то есть карантинной стоянки, пассажиры сошли на берег. В тот же день Чехов выехал в Москву. По дороге он дал родным три телеграммы, в одной из них писал: «Приходите все встречать. Очень много вещей...»

Действительно, Чехов привез много сувениров для всех родственников и друзей. Многие до сих пор хранятся в чеховских музеях и даже в частных коллекциях. Было и несколько самых любимых, которые потом сопровождали писателя всю жизнь, — в Москве, в Мелихове, в Ялте. Один из них — «китайский божок», металлическая фигурка старца (из «всякой дребедени», накупленной в Гонконге), всегда стоял перед глазами на письменном столе писателя, придерживая своей тяжестью страницы его творений и напоминая о первом заграничном визите.